

Александр Торопцев

МУЖ ГЛАВБУХА

Она в тот год уже работала главбухом в отдаленном подмосковном совхозе. Фигура!

Муж у нее был Васька, водила.

Я сидел с ним в кабине грузового газона в ожидании водки. По рыжим лужам, запятнавшим избитую шинами и гусеницами землю, по стеклянному лбу машины, уткнувшейся фарами в раскрытую пасть хранилища, на черному леску гудронной крыши и покатоному ежу капота лил хлесткий дождь. Время от времени Васька мягким движением руки запускал в дело дворников, те двумя натренированными махами, схожими рациональностью движения с низким полетом косы в умелых руках, приводили лоб машины в порядок, успокаивались, но ненадолго: дождь быстро утяжелял стекло крупными бледными каплями. Гонец на Беларуси где-то застрял, а чесать без дела языки, особенно по понедельникам, Васька не любил, хотя в данной ситуации связанный со мной важным делом он чувствовал некую неловкость (впрочем, я тоже на сухую не говорун) и старался как-то исправить положение, вздыхая то и дело:

— Ну и погодка!

— Осень, — поддакивал я, прислушиваясь к шуму деревенского дождя, напоминающего овацию в большом концертном зале после выступления всеми уважаемого, ценимого и

всеми избалованного певца в тот момент, когда он уже ушел навсегда, скорее всего в другой концертный зал, закончив выступление положенным по этикету количеством выходов к людям, бурно бьющим в ладони, встречающим его «браво-бис» и не желающим понять, что теперь, изящно сыграв ручкой, он скрылся за высоким занавесом совсем, что сегодня он уже не появится.

Вот и у нас нескончаемо шумела овация дождя, а душевной радости все не было и не было на мокрой сцене жизни.

— Вдруг он вообще не появится?! — я заволновался, хотя знал тракториста как исполнительного товарища, который обычно повторял свой номер, сколько угодно раз.

— Никуда он не денется, — хмыкнул Васька и точно в этот миг я услышал веселый рокот Беларуси.

Мы оба тотчас подобрели...

Васька подвез меня до щитовых бараков, где лет уже тридцать размещались рабочие подшефных предприятий, и вдруг по жирным блестящим лужам побежали неровные волны ветра, и не успел я вымыть сапоги, как облака побелели и разлетелись, подталкивая друг друга, в разные стороны. Блеснуло солнце.

Ночной ветер собрал с земли воду вчерашнего дождя — утро объявилось солнечное, ядреное.

Я шел к току, почему-то думая о Васькином газоне, который наверняка стоял уже неподалеку от вагончика-сторожки в ожидании грузчиков, юркий, визгливый, с надшитыми в одну доску бортами, готовый рвануться в любую секунду в поле или на железнодорожную станцию, где скучал вторые сутки забитый наполовину вагон, а то и в Москву по какой-нибудь прихоти директора. Газон внешне походил на этакого тихоню-бирюка, с покатыми плечами, хмуро лобого, скаредного, но только внешне и до того момента, пока хозяина не было рядом. В эти ленивые минуты машина выглядела

неприметно, хотя все, кто знал ее, чувствовали скрытый под заводскими вялыми овалами мощный заряд упрямой энергии, беспокойность четырехтактного сердца» которое — заведи его только, выведи из окаменело железного состояния — будет биться в ритме Васькиных забот, всегда тревожных и опасных.

По косогору, неровно спадавшему к извилистой, невидимой даже в тридцати метрах реке, посеяны были двумя неровными рядами трехэтажные дома с балконами, украшенными разноцветной постирушкой. Между рядами лежало полукружьем неширокое шоссе, похожее с высоты птичьего полета на лезвие косы. За жилыми домами, вниз по склону, росли сорной травой постройки замысловатых конфигураций и размеров. За ними, еще ниже к реке, примостились две прямые линии недавно сколоченной плотниками сарайной улицы... Деревня! Поселили людей в квартирах с удобствами, пытались из них цивилизных граждан сделать — куда там! Прямо под окнами натыкали они времянки вечные из отходов производств, развели живность и рады-радешеньки, что у них под боком и хряк возлежит в мягкой жиже посреди огороженного осиновым колом закуточка вокруг сарая, и куры лениво бродят в общественных полисадах, и дети тут же шмыгают по классикам.

Хорошее дело в деревне, хоть и трехэтажной, сарай, руководители не сразу это поняли. Лет пятнадцать прошло с тех пор, когда посажена была на косогоре первая трехэтажка, возле которой тут же, как грибы, вроде бы случайно или из-за вредности — по принципу мухоморов, стали появляться неказистые строеньица. За это время много воды утекло в местной речке, человечество окончательно свыклось с холодильниками и космическими полетами, шагнуло от широкоформатного кинотеатра к телевизорам цветного изображения, стало приучать себя к счетным электрическим машинкам, заменившим в бухгалтериях «железные феликсы»...

О бухгалтерии мне подумалось на удивления вовремя: будто во сне, когда необъяснимая нить сна ведет тебя от одного сюжета к другому, третьему и вдруг прерывается у обрыва пробуждения, и ты с изумлением замечаешь, что потусторонняя жизнь, лично твоя, внутренняя, точно состыковалась с течением жизни вселенской, которая, казалось, существовала вне тебя, самостоятельно.

Мои мысли и деревенская жизнь текли в русле одной реки.

Я увидел главбуха.

Она вышла из подъезда, улыбнулась мягкой, изнутри исходящей улыбкой, и, мерно цокая металлическими набойками высоких черных сапог, пошла с неколебимой уверенностью в свое счастье, какое обычные женщины испытывают не более трех-четырёх лет после рождения первого ребенка, когда на удивление всем, даже собственным мужьям, они нежданно хорошеют, какое везучие женщины продлевают до десяти-пятнадцати лет, а самые удачливые могут непрерывно протянуть до возраста ягоди, а то и гораздо дальше.

Главбуху до сорока пяти было далеко, но не эта временная даль украшала ее, творила ту удивительную улыбку, которая даже солнце заставила повеселеть вместе со всеми своими бесчисленными отражениями, даже мужиков-шефов, слонявшихся без дела в ожидании автобусов, отвозивших их на поля, мужики завистливо вздыхали, забывая напрочь, что мимо проходит главбух, от которого в большой степени зависит зарплата — немалое счастье для трудяг. Женщины проходят и уходят... Нет, мужиков в тот яркий утренний миг деньги не интересовали, как, впрочем, и главбуха: она шла вверх по шоссе, пока не свернула влево на дорожку, провалившуюся в колодец школьной густой листвы.

И тут же все успокоилось. Не спеша, вразвалочку поплыли облака. Сухо, жестко зашумела листва, мужики поникли. Надрывно взывала на подъеме бензовозка. И я зауважал Ваську. Непростой он мужик, если счастливой выходит из дома его жена.

* * *

Осенью семьдесят третьего тетушка Маня, младшая сестра матери, выманила Нину в дальнее Подмосковье из-под областного города в центре Нечерноземья. Выпускница средней школы в родном крае не имела перспектив. Здесь было тоже не ахти, зато мечта радовала. Она и приехала за мечтой. И той же осенью чуть не сбежала домой.

Директор взял ее дояркой на ферму в бригаду к тетушке, обещал через год дать направление в сельхозинститут, перевести, если поступит, в контору. Но до конторы нужно было дойти.

Нина мечтала дойти не только до конторы, но и гораздо дальше: в район, область, в Москву. Утром она надела новую телогрейку и пошла с тетушкой в свой поход. Две недели, еще август был, ходила легко, хоть и в гору, тягучую, длинную. Но первого сентября со всех концов света надуло в Подмоскovie облака, они накрепко спаялись в небесах, спустились к земле, и полил нескончаемый крупный дождь. Лил он неделю, полмесяца, месяц.

Рано утром Нина брала с печи телогрейку (тетушка жила в добротной избе неподалеку от стройплощадки, где стоял пока лишь один деревенский высотный дом), надевала ее теплую, но жесткую, будто с чужого плеча, набрасывала поверх, если дождь уж очень горячился, брезентовый плащ, натягивала сапоги и плелась по блестящим в свете редких фонарей лужам по своему маршруту, а по холодной траве, по рыжей глине, по брезенту жесткого плаща бил упрямый дождь.

Тетушка пыталась разговаривать ее, виновато поворачивала голову. Нина чувствовала это движение, хотя и не видела из-за капюшона ее лицо, ничего она не видела, кроме быстрых, как нити ткацкого станка, струй дождя и черного неба. Ей не хотелось обижать тетушку, недавно похоронившую сына, а пять лет назад овдовевшую, но каждым утром она мечтала, как мечтают семнадцатилетние, о том, что обязательно будет солнце и счастье: не утром, так днем, когда пойдут они с фермы, не днем, так вечером...

С девчонкой-соседкой они ходили в клуб да чуть не разругались, потому что новое всегда в глаза бросается.

Пятого октября у нее выходной был. Тетушка ушла на собрание, задержалась в конторе. Нина маялась по дому: задачи по алгебре не решались, борщ не варился, белье не стиралось. Надоело все. Дождь шел. Села она напротив трюмо, посмотрела на себя, глянула в окно и, скривив яркие, по-детски надутые губы, спросила в отчаянии:

— Разве может в семнадцать лет тридцать дней лить дождь?!

Ей никто не ответил: ни хозяева с фотографии военных лет, ни сын их в военной форме, ни сын Иисус Христос. И она обиделась. «Вам все равно! Вам хоть потоп! А мне!» — возмутилась и крикнула себе самой:

— Ну ты, клуша! Ты долго будешь по лужам хлюпать?! Приглашают подруги на асфальтобетонный завод. С общежитием, в городе. Москва близко, учиться можно. Через пять лет прописка. Айда. Прямо сейчас. Отгулы есть, справятся без меня, не маленькие.

Затем вскочила со стула и, набирая скорость, стала кидать в небольшой чемодан самые нужные на пару дней вещи, приговаривая:

— Завтра к директору АБЗ схожу. Лидку взял и меня возьмет. Благо что земляк. В час автобус, успею.

Вышла из дома, даже забыв про записку, так уверена была, так спешила. А дождь все лил, будто на небесах решили побить мировой по дождекапанию.

Мимо с сердитым рыком прошлепал старый Беларусь, остановился.

— Эй, красивая! Тебе куда? — крикнул парень из кабины.

— За кудыкины горы, — огрызнулась она.

Чубатый парень упрашивать не стал: «Смотри сама, наше дело предложить», — и огромные колеса, откидывая назад фигурные лепешки земли, покатили вверх, толкая перед собой трактор. Она уже ругала себя: прижалась бы к нему в узкой кабине, что такого, зато ноги бы не ломала. А трактор опять остановился, мягко заверещал на нейтралке.

— Племянница что ль тетьюшкина? — спросила парень.

— Сам ты племянник, тебе какое дело?

— Мне-то никакого. Только она за тебя с директором ругается, а ты хилишь куда-то.

— Как ругается? — Нина посмотрела в глаза незнакомца — в них было пока лишь удивление.

— Так и ругается. У вас в конторе, говорит, человек нужен, а вы скрываете, девчонку на ферму послали. Мало, говорит, я вкалывала?! И в таком разрезе.

— Тетя Маня ругается? — Нина даже на ферме не слышала от нее грубого слова.

— Ха! Ну ты даешь!

— А где она сейчас? — Нина посмотрела на чемодан, небольшой, но вдруг потяжелевший.

— Кто? — тракторист из кабины хорошо видел ее удивленные ресницы.

— Тетя Маруся, кто же еще!

— Я откуда знаю. Может в магазин пошла, может — домой.

— Как домой?! — чемодан стал еще тяжелей.

— Ты чего орешь на меня?! — парню не понравился резкий (он не резкий был — отчаянный) голос Нины, а та крикнула, сразу и извиняясь, и умоляя:

— Слушай, выручай, а? Тебя как зовут-то?

— Хм-м. Васькой меня зовут ровно двадцать один год. А некоторые и Васьком. Чего тебе надо-то?

— Ой, Васек, подвези до дома, а потом...

— Это запросто. Сестренку лучшего друга как принцессу довезу.

— Ты Петю знал? — спросила она уже в кабине.

— А то как же! Мы с ним годки. В одном классе учились. Дрались тут из-за одной. Как он под провод попал, понять не могу! И не датый был. А тебе чего надо-то?

— Чего?

— Потом, когда до дома доедем.

— А! Васек, надо, чтобы тетя Маруся чемодан не заметила, понимаешь?

— Заметано.

Он ей в тот день именно этим понравился: «Заметано» и точка. Ты попросила — я сделал. А так, конечно, в телогрейке, в кепке, в старых брюках-клеш, недавно модных, в сапогах, обыкновенный, деревенский.

Подъехали к дому.

Васька вырубил движок, и тут же шум дождя неприятно впился в уши — так появляются в ненужный момент младшие братья и сестры, когда затевается что-то важное.

— Чемодан пусть в кабине лежит. Не бойся. Все будет в лучшем виде. Пошли. Я все о нем знаю. 17 октября у него день рождения, в январе 65-го ему вырезали гланды, в 67-ом, ай, это тебя не касается.

Тетушка была дома. Нина замялась, не зная, что сказать. Затараторил Васька. Его голос по-домашнему звучал в прихожей, на кухне, в большой комнате, заполняя дом новым, а, может быть, забытым качеством. Нина пожала плечами: что-то тут не так, а он, находку поздоровался с хозяйкой, сказал:

— Теть Мань, я что говорю, я ж за Ниной приехал!

— Ты чего мелешь, Емеля? — тетушка аж испугалась.

— Нет, точно. Пусть с Аленкой-сестренкой познакомится. Мы с Петрухой не разлей вода были, и они подружатся. Им же веселей.

— Ты лучше скажи, как на целину съездил?

— На «Яву» заработал. Теперь директора буду тормозить. Обещал после целины «газон». «Яву» весной куплю. Мечта. Ну мы поехали?

— Ну баламут. Ты по-человечески можешь?

— Знаю я ваше человеческое. Сначала шей, потом молочка, блинчиков? Меня потом «сотка» не дотянет до гаража, не то что «Беларусь. Нет, честно, не хочу. Ну мы поехали?

— погоди, я хоть соберу чего-нибудь, знаю, вы там...

Пока хозяйка ходила в погреб (вход с веранды), Васька принес чемодан. Нина сунула его под кровать, облегченно вздохнула, спросила, быстро осмелев:

— А чего я там потеряла?

— Ничего, — Васька не обиделся, но поучительным тоном сказал. — Между нами девочками говоря, мне сегодня в семь часов будет ровно двадцать один. Круглая дата. Очко. Ясно?

— А я-то тут причем? — Нина говорила не со зла: ей хотелось быть с тетушкой,

повиниться перед ней, поплакаться.

— Смотри сама, — ответил Васька и без напряжения отыскал, как опытный шахматист в жестоком цейтноте, верный ход. — Перед тетей Маней неудобняк. Она сейчас полную сумку приволокет.

— А вот и я, — тетя Маруся с сумкой банок, овощей, яблок вошла в комнату. Нина не смогла ответить на Васькин ход ничем.

— У нас же свое есть! — Васька испуганно вскинул руки. — Такое же!

— Не такое. Это — мое.

Нина слушала их, боялась встретиться взглядом с тетушкой, понимая, что все это делается для нее.

— Может, розовую банлоновую кофту наденешь? — спросила тетушка. — Она тебе к лицу. Ну смотри, как тебе лучше. Ой, забыла!

Она опять полезла в погреб.

— Ладно. Пойду переоденусь, — Нина с чемоданом скрылась в спальне.

Васька неуклюже стоял у круглого стола и строил рожицы в трюмо. Женщины застали его за этим невзрослым занятием врасплох. Нина хихикнула, тетя Маруся поставила на стол две бутылки из-под шампанского, закрытые самодельными деревянными пробками, влажно моргнула:

— С Петей делали, — сказала, повернула, словно в поисках чего-то, голову в сторону Нины, нашла, улыбнулась. — Хорошо тебе в ней. Ладная ты у нас.

...Весной Васька хотел купить мотоцикл, а решений он обычно не менял, хотя мужики отговаривали его: в деревне лучше «Ижак», это тебе не шоссе. Васька ждал тепла, гонял на старом грузовике по Подмосковию и ждал, и приучил уже всю деревню к тому, что совсем скоро в его сарае поселится цвета слегка недоспелой вишни двухцилиндровая «Ява» с коляской.

На току

На ток я попал после обеда. Удивительный момент деревенского бытия. Этакая урезанная русская сиеста. Рабочие — шефы — уже поели, передохнула техника, успокоился воздух от дребезжания сортировочных комбайнов, забылся кислый вкус картофельной пыли, механики смазали шестеренки, электрики похмелились. Казалось, можно начинать работу. Но никому не хочется работать. Тишина. Послеобеденный перекур. Пропала из виду воробьиная рать, сезари и вороны примостились на крышах соседних построек, важно посматривая на людей, распределившихся кто где группами. На мешках с картошкой по-бабьи скромно, уложив руки на колени, восседают две жилистые старушки, миниатюрные, аккуратные, как первоклашки; рядом полулежа, будто так лучше отдыхается, расположились в одну шеренгу метлы и деревянные лопаты с очень мягким на вид характером, тут же, под боком у старушек, ладонями кверху, чисто по-йогиновски, покоятся рукавицы, не раз стиранные. Говорок у старушек спокойный, словно бы им некуда спешить, хотя в этом старческом неспешании, как, впрочем, и во всех голосах обитателей тока, даже в голубином задумчивом молчании, чудится некое напряжение. На пустых мешках, уложенных пачками возле низко приспущенных хоботов-транспортёров, лежат безвольно распластав руки, «джинсовые люди», шефы. Изредка, словно сыгравшиеся в какую-то странную игру партнеры, каждый из них произносит короткую, типа «раз», «пас» реплику.

Мне неизвестна была их игра, но я чувствовал накал слов, постепенно проникая в то, что волновало ток. Механики в промасленной одежде сидели нога на ногу на скамье под окнами сторожки, дымили по-черному. В сторожке громко пили водку грузчики, ребята грузные, к своим и чужим проблемам относящиеся с задорной (может быть, вздорной?) прохладцей, шумно, с матерком, который помогает им терпеть гудящее напряжение мышц и побеждать всех своих соперников: мешки с картошкой, меня, совхозных руководителей, главбуха, экономиста. Много у грузчиков противников, другом же настоящим, как скиф, был водила Васька. Я это знал лично — сам в «грузах» ходил не год.

Его газон стоял чуть поодаль сторожки. Ничего в нем со вчерашнего дня не изменилось. На стеклянном чистом лбу хорошо смотрелось дальнее небо. Надшитые заботливой рукой доски кузова не делали его аляповатым, смешным, как случается иной раз с низкорослыми людьми, покупающими за большие деньги туфли на толстой подошве и высоких каблуках. Лишь резкая, прохладная тень навеса, косо, с этакой хулиганской небрежностью поделившая на две неравные части кузов, кабину, бампер, вызывала недоумение: Васька всегда ставил газон под навес от дождей, от солнца.

В сторожке все мгновенно прояснилось: Ваську повязали, двадцать мешков картофеля обнаружили в кузове.

— Вы разгружали? — спросил я у бригадира, потому что такое случилось и в моей практике, когда очень хотелось выпить (московские деньги в деревне разлетались быстро): Васька за пять-шесть мешков, оставленных в кузове, и бутылку привезет и закусу. Но двадцать мешков это не бутылка с помидорами, это — квадратик неба синего.

Грузчики промолчали. Женька-бригадир прилачился к стакану с мутной жидкостью, крякнул, как каратист перед ударом, но передал самогонку мне, добродушно буркнув:

— Махни. Жаль парня. Хороший человек.

— Он врезал кому-нибудь? — я вдруг подумал сгоряча.

— Ты Ваську не знаешь?! — воскликнул бригадир. — Заарканили его менты, он перешел в «воронок». Они акт составили, машину сюда, а самого — в отделение. Ты не волнуйся, мы вне подозрений. Васька нас не сдаст.

— Вагон добьете?

— Никаких проблем! — грузы приятно улыбнулись. — Тяни быстрее, — бригадир устал ждать сладкий миг затянувшегося по моей вине похмелья, я глотком махнул полстакана, передал тару, принимая от мужиков хлеб, кусок селедки, разделанную явно не мужской рукой, четвертушку большого помидора.

Бригадир не спеша, с нескрываемым удовольствием, как могучий штангист перед очередным рекордом, нацедил мелкой струей дозу в стакан, понюхал корочку, похожую в его широкой руке на семечку, без видимых затруднений взял вес и от души выдохнул: «Пусть ему там будет хорошо!»

— Да не посадят его! — стакан перешел в другие руки. — У него жена главбух.

— Главбух — не главбог! — поправил Женька.

И проснулся ток, задержались хоботы комбайнов, прибыли машины с картофелем, быстро прокис воздух, занервничали на крышах голуби — ожили все, задвигались, будто последняя фраза грузчика вывела мир сельского тока из оцепенения.

Я вслушивался в разговоры работяг, удивлялся: все обсуждали Васькину беду. Одни считали, что его посадят, другие — что «муж главбуха» выйдет сухим из воды.

— Сидел же он в тюрьме, — говорила одна старуха другой, ловко подбирая деревянной лопатой разбегающиеся по току картофелины. — И еще посидит.

— Она тогда вторым экономистом работала, а сейчас — главным. Ее в районе знают. Найдет, кого замаслить.

— Да что ты заладила: не сядет, не сядет!

— Потому как несправедливо. У моего сына жена доярка, вот он и не выходит из тюрьмы. А с этого как с гуся вода.

— А мне-то что? Пусть хоть всех пересажаяют. Я как работала, так и буду работать.

Женитьба

В начале декабря пошел первый снег. Рельефными мазками ложился он на пашни, ожиревшие от обилия влаги, на пустые леса, благоустраивал стройплощадку, прикрывая людской хлам и осенние отбросы от чужого взора, будто готовясь к приезду большого начальства, щедро набрасывал ворсистые покрывала на плоские крыши уже двух трехэтажек, на многоскаты собственников, на недостроенные здания, уныло озирающиеся по сторонам глубокими темными глазами, на острые носы штакетников, замысловатыми меандрами исчертившими жилье людей, скота и птицы.... Не забыл снег и верткое тело реки, несхватившееся еще на быстринах: сыпал снег повсюду час, другой, третий — с ночи. И устал от такой работы, обмельчал. Утром заскребли повсюду лопаты, очерчивая с запасом, надолго контуры дорожек. Надежно в минус ушла температура. Смирившись с зимой, даже на быстрых изворотах застыла тугой коркой река.

Васька гнал машину по белой ровной ленте шоссе, увидел Нину, идущую навстречу, остановился, прижался к обочине, крикнул:

— Опять в бега?

— Почему это? — Нина легко держала в руках уже известный Ваське чемодан.

— А куда же намылилась?

— В Рязань. Директор направление дал. На заочное, в институт.

— В науку, значит, как Ломоносов?

— Автобус отменили.

Было заметно, что у них есть время и желание не спешить.

Васька вдруг бросил руку к переключателю скоростей, машина развернулась в два приема, догнала Нину, тормознула. Водитель толкнул от себя дверцу, сказал:

— Садись, подброшу до станции.

— Сама дойду, — неуверенно пыталась отказаться Нина, но передумала, вскарабкалась в кабину, положила чемодан на колени, осмотрелась, как делают все женщины мира,

оказавшись в незнакомом помещении.

В кабине ничего интересного не было, но Васька, почувствовав движение пытливых глаз пассажирки, сказал: «Дверь хлопни посильней», после чего, в тот миг, когда она, вывернув руку, отвлеклась от осмотра, резко сдернул с передней панели фотографию известной актрисы и отправил ее в бессрочную ссылку в бардачок.

— А мне она нравится, — пожалела фотографию Нина.

— Бывшего водилы. Он всю жизнь их собирал, — приврал Васька, впрочем, очень убедительно, и перешел к делу. — Когда обратно?

— А зачем тебе?

— Сейчас не лето в Гаграх. Дуба дашь на станции, пока автобусы будешь отмененные ждать.

— На шоссе попутку поймаю.

— Смотри сама. Наше дело предложить — ваше отказаться.

Нина вернулась через три дня. Провалила первый экзамен. Васька узнал об этом от тети Мани, вечером нагрянул к ним, удивился. Нина спокойно пекла блины. На круглом столе также спокойно стояли банки со сметаной, вареньем, молоком.

— Жалеть пришел? — девушка смачно шлепнула блин о сковороду.

— С чего ты ваяла? Может радоваться пришел, что ты раньше приехала. Обвиняет еще, — Васька со смешком поставил на стол бутылку вина, сел барином ногой на ногу и голосом отдыхающего лучшего в мире дома отдыха сказал. — Уважаю блины с парным молоком!

...В деревне (а зимние частые праздники сблизили Нину с девушками и парнями) только Васька относился к ее желанию учиться нормально: не отговаривал, не восхищался, не охал, и, главное, совершенно искренно и бескорыстно хотел, чтобы она училась и закончила институт. Он даже сосватал ей учителя математики, подбрасывал к нему, старому, седому человеку. И домой с занятий провожал — уже пешком.

Весной Васька раздумал покупать «Яву» с коляской и ... женился. Полдеревни гуляло на свадьбе, пропивая Васькин мотоцикл, Васькину самостоятельность, удивляясь его решимости, потому что с девчонками он был не больно-то смел.

Дом отдыха

В 1985 году Васька вернулся из заключения, устроился в дом отдыха богатого министерства, отхватившего у сельсовета симпатичный склон холма на берегу реки — сразу за трехэтажками, если смотреть на совхоз с северной стороны, а Нина уже работала главбухом.

Холмов тут ровно семь. Можно построить ... Рим не Рим, Москву не Москву, а уж какой-нибудь знатный город — точно. Не построили. И правильно сделали. Городов на земле хватает, а таких мест, где и холмов семь, и вода в изобилии, и лес еще не захирел, тронутый тлей близких гигантов, где дышится легко и свободно и тихо, таких мест даже в России осталось мало. Впрочем, город строить не обязательно, чтобы загубить красу земную. Богатое министерство облюбовало здесь склон. На небольшом плато под

вершиной холма когда-то стоял полукругом дом помещика, уютный, с окнами, сфокусированными на клумбу, которую объезжали гости на каретах, направляясь к белоствольным колоннам подъезда. Клумба, заботливо ухоженная (про это можно и не говорить), ловила в летнее многоцветье, либо зимним хрустальным убранством солнечные зайчики из окон, а в минуты предзакатные, чудно освещенная бронзоволиким солнцем и лучами-отражениями стекол, зашторенных светло-зеленым плюшем, играла сотнями цветов и оттенков приковывая взоры хозяев и гостей.

От концов полукруглого дома спускались к реке липовые аллеи, образуя на склоне благоухающую, наполненную запахами трав и цветов подкову; внутри, на пересечении немногочисленных дорожек стояли на неслышном друг от друга расстоянии несколько скамеек и две беседки. Нижняя вечерами куталась в туманах и была любимым местом молодых, в верхней часто видели хозяев, русских помещиков, принявших на себя все тяжкие удары судьбы и разлетевшихся с детьми по белу свету — никто их тут уже и не помнит.

Теперь на месте дома стоят котельная с задранной высоко вверх металлической ржавой трубой и автопарк, насквозь пропитанный запахами ГСМ, местной самогонки и застоявшимся, даже материализовавшимся матерком. Место клумбы министерские умельцы залили асфальтом, липовые аллеи заменили бетонной изгородью, увенчанной колючей проволокой. На склоне внутри теперь уже бетонной подковы возвели громоздкие из красного кирпича здания о четырех этажах с унылыми рядами лоджий. Забор отгородил отдыхающих от реки...

Картошка частников

Я нашел Ваську в гараже дома отдыха. Поздоровались. Рука жилистая. Взгляд упрямый, но в голосе, в легкой походке, модной среди юного блатняка шестидесятых, когда Васька активно вступал в жизнь, чувствовалось надежно и давно поселившееся в душе равнодушие.

— Свечи сменю и рванем, — сказал он. — На кой хрен согласился! Ни навару от Лидки, ничего другого.

Через несколько минут ЗИЛ с длинным прицепным кузовом выкатил из гаража, я сел в кабину, удивился:

— Ты же такие машины не любишь.

— Тут любую полюбишь, лишь бы в совхозе не работать, — Васька осекся, но вспомнил, что я — свой человек, и добавил. — Здесь оклад приличный, четкий рабочий день, за переработку и выходные вдвойне. И никто завистливо не смотрит: муж главбуха поехал.

Машина вышла из ворот, разогналась. Длинный кузов шумно бился по асфальту, всбугрившемуся от грубого обращения небыстрой, но массивной техники. Васька ловко увиливал от встреч с большими колдобинами, а, когда машина пошла в гору, кузов присмирел, будто ему, а не мотору, тяжело было заползать на длинный тягун, плавно огибающий лесок, в котором пряталась пустая школа, отправившая учеников и учителей на поля. На выходе из деревни поджидавший нас УАЗик пыхнул газом, дрогнул, побежал, свернул вправо, в Дегунино, где в огромном ангаре лежали наши деньги — сто тонн отборного, частного картофеля.

— Вам-то выгодно, — вспомнил Васька начавшуюся у гаража тему. — Платят больше. А мне чего ради заднее место драть?!

Кузов зло задребезжал — дорога совсем испортилась. Зато видок открылся! Справа-слева перелески, поля разной жирности и ухоженности, деревушка, прижатая низким прудом к лесу, резкий подъем к утреннему солнцу, опалившему листву... Перед Дегунино взяли вправо. Погромохав на малых оборотах по мягким кочкам, подбрили к огромному предвоенных лет сараю, на века сколоченному из массивного, сурово посеревшего горбыля. Размеры сарая поражали: не киклопы ли смастерили это сооружение?

Лида с водителем предсельсовета открыли ворота: в сарае ровными рядами до потолка стояли тугонабитые, внушительных размеров мешки с картофелем. Я вздрогнул: в близлежащих деревнях богатырей не было (про подъемные механизмы и говорить нечего) — кто так аккуратно сложил тугие семидесятикилограммовые мешки с крохотными головками-узлами на такую высоту?

— Ни хрена себе! — толстяк-Женька застыл на месте.

Опытный русский грузчик, а в миру, в Москве то есть, ведущий инженер известного КБ, быстрым глазом окинул сарай и заметил, что ворота широкие, но низкие — кузов не подберется задним бортом к мешкам.

— Подловила ты нас, Лидуня! — укорил Женька девушку, а та добавила по пятнадцать копеек за тонну, сказала: «Я сейчас» и юркнула в УАЗ. Тот медленно поплыл по неухоженной дороге, чем-то напоминая глассер, продирающийся по волнам навстречу крепкому ветру.

Васька подогнал машину к воротам, качнул головой: «Я дурак, связался с ней, но вы же не первый раз вкалываете здесь», поднялся в кабину, лег на сиденья, быстро уснул, не реагируя на удары сапог по металлическому кузову и гулкие буханья мешков.

Работа быстро надоела. Тугие, громоздкие мешки извлекать с четвертого этажа аккуратно, чтобы не рухнула картофельная пирамида, затем волочить земле, бросать в кузов и там — тоже аккуратно — укладывать, было нелегко. Объявилась Лида.

— Я вам молочка принесла, — сказала, как та коза.

— Лучше бы самогонки раздобыла! — озлился Женька, но Лида хорошо знала, что делает самогонка с такими прекрасными людьми, как мы.

Махнули молока и вдруг зарядил небойкий, но совсем ненужный дождь. Сложив капюшонами пустые мешки, мы набросили их на головы и продолжили тягать киклоповы игрушки — они становились все тяжелее. Дождь омыл кузов, превратил его в скользкое полотно, а мы в своих движениях стали очень напоминать коров, которые за мизерную плату подрядились сбавать компорсито для Лиды. Недовольные елозили мы по сараю, а Васька спал, и ни постукивания дождя по кабине, ни крепчающий наш матерок не могли вывести водилу из блаженных сюрреалий сна. Лида выдала нам целлофан, попросила укрывать мешки, ее водитель вышел из машины, потянулся, заглянул в сарай, пожалел нас: «Тяжелая работа», а мы вдруг почуяли азарт: грузить так тонн двенадцать! Но тут же хлопнула дверца ЗИЛа, явился Васька, крикнул:

— Больше девяти тонн не повезу! Ты меня знаешь, бригадир!

Он даже в счастливом нокауте сна чувствовал напряжение рессор. Девять так девять, мы остыли, азарт угас, а дождь все шлепал крупными оспинами по молчаливым лужам.

Через час машина, свернув с шоссе, пробралась по размытым колдобинам на станцию. Васька насупился:

— Все места у эстакады забиты. Теперь покорячимся.

Наш вагон, уже открытый, стоял у скользкого откоса. Подобраться по нему боком, параллельно железной дороге впритык к вагону было очень сложно. Васька понял это, но все же сделал кругов десять по площадке — не получилось. Появились советники: «Не подгонишь. Придется по трапу таскать. Не рви машину!» Васька посылал их, куда подальше, гонял машину, пока не притомился, затем наскоро перекурил и решил подогнать кузов к вагону хотя бы задним бортом. Это тоже сделать было непросто. Замок, фиксирующий кузов с кабиной, сломался! Васька злился, движок ревел на разных режимах, человек двадцать наблюдали из-под навесов за Васькиной работой. Кто-то уже сбегал за трапом, подал нам в вагон, но после очередного захода борт очень точно остановился у нас под ногами.

...Возвращались мы вечером с большой надеждой на три литра самогонки, обещанные Васькой. Я отправил мужиков на УАЗике, сам остался в кабине ЗИЛа. Согрелся, обсох. Хозяин не жалел бензина, растопил печь как в парной. От УАЗика мы отстали, свернули вправо.

— Баба Лена в Орехово только брагу поставила, — докладывал мне Васька. — Тонька в Авдотьино завтра будет гнать. Анька начнет часов в десять, поздновато. У Сафонихи уже баночку накапало, точняк. Не промахнусь. Туда рванем.

Он попал точно в «десятку». Мы ехали домой довольные. Машина свернула с шоссе, упиравшееся в ворота дома отдыха, пошла на взгорье, где вместо асфальта тянулась жидким месивом грунтовка.

— Сядешь, — предостерег я. — Лучше сам дойду.

— Уж как-нибудь доеду, — Васька подвез меня к лагерю.

Прощаясь с ним, я предложил махнуть стопочку у нас, согреться, он хмыкнул: «У меня и своя есть, того же завода».

Мы сели за стол, втиснутый между рядами коек, но не успели разлить по стаканам самогонку, как в комнату без стука вошел местный пацан, сказал:

— Васька сел. Между баней и домом отдыха. Сто метров не дотянул до шоссе.

Я сунул ноги в уже охолодевшие сапоги, влез в куртку, пошел к бане.

Каким-то чудом ЗИЛ выкинуло из колеи и повернуло к ней под прямым углом. Хотел

залезть в кабину, не успел. Васька стал качать длинную машину взад-вперед, раскачал, она прыгнула из ямы, но забуксовала в другой. Водитель дал назад, чуть не уперся в банный порог, рванул вперед, вывернул вправо: там тоже оказалась скрытая под лужей яма.

Днем, на станции, Васька работал напряженно, но уверенно, как на показательных выступлениях. Здесь напряжение сменилось отчаянным азартом, уверенность — злостью. Васька не жалел машину, она, поддавшись его настроению, визжала, изгибалась, прыгала туда-сюда, извернулась непостижимым образом, вырвалась из пут земли, встала точно в колею, застыла в позе «ЗИЛа поверженного». Умолк движок. Я сел в кабину. Закурили.

— Мужиков позвать?

— Мешать только будут.

— Оставь до завтра. Не украдут.

— Сейчас — разуюсь. Бабы вой поднимут: «Васька опять нажрался. Он за главбухом как у Христа за пазухой». Фу ты!

Он безжалостно сбросил в окно окурок, а я со словами: «Надо привести» прыгнул на землю. Не знаю, что ответил он, но машина вдруг зло рывкнула, рванулась и как-то очень легко выскочила на асфальт.

На свиданку к Ваське

Ваську посадили в тюрьму за хищение социалистической собственности очень вовремя — не прошло и трех месяцев после того, как Нина защитила диплом. На суде он вел себя с достоинством, понятным лишь жене и директору совхоза: тот не раз выручал Ваську, жалел Нину, тетю Маню, с которой познакомился в сорок третьем, когда приехал в совхоз после ранения. Но всему приходит конец. Два года получил Васька. Без конфискации.

Конфисковывать лично у него нечего было: выходной костюм, туфли, сапоги, телогрейки. Конечно, если бы они посмотрели Нинин гардероб, это да. Тут бы Васька быстро гордость потерял.

В полгода раз, на сессию, покупал он богатые обновы и сразу после сессии дарил жене что-нибудь шикарное. Это все видели и ... не завидовали. Нина сама относилась к своей красоте и к нарядам спокойно, с легкой независимой иронией и людей приучила к тому же. И все же сейчас ей было стыдно. Она вышла из райсуда в черном костюме, всплакнула украдкой, директор подхватил ее за локоть, посадил в УАЗик, буркнул строго:

— Наука ему? Сколько можно выручать, сама посуди.

— Да я...

— Ладно, будет. Петр, поехали в райком. А ты слезы вытри да марафет наведи. Буду за тебя биться.

Он не пробил ее в тот год в главбухи. Судимость мужа подвела. Когда вернулись они в контору, директор сказал: «Ты Ваську не кори. Он все в тебя вкладывая. А главбухом станешь. Надо будет на свиданку, отпущу».

На свиданку она поехала через месяц. Радостная была, пока маялась на вокзалах и автостанциях. Но в тюрьме, где сидел ее муж, Нина в первый раз за двадцать пять лет столкнулась с жизнью, о которой (она назвала ее подземной) в газетах не пишут, с

близкими не говорят, мужьям не докладывают. Потому что страшно там жизнь устроена, не так, как на земле. Вверх ногами. Земля — странное зеркало. По ней ходят люди нормально и, одновременно, некоторые ходят, хотя и тем же шагом, по той же жизни, но под землей. Зеркало — КПП тюрьмы. Более суток просидела Нина в КПП. Положена свиданка, разрешена. А начальника нет. А без него нельзя. А в воскресенье вечером или утром в понедельник надо уезжать.

В субботу Нина взорвалась, решила. Вспомнила разговор с молодой женщиной, возвращавшейся со свиданки, свой резкий ответ : «Как-нибудь без этого обойдусь!» вышла из КПП за сержантом, улыбнулась, миг очаровала его, сунула ему да так мастерски, что лучшие разведчики позавидовали бы, четвертной, спросила напрямую адрес. Сержант оглядел ее завистливо, пожалел, что не он (пока) начальник и, розовея от жалости к себе, назвал улицу, дом, квартиру.

«Спасибо, родной!» — слишком она его приблизила к своему роду-племени, села в автобус и через полчаса нажала кнопку звонка.

Начальник был в тренировочном фирмы «Адидас». Не удивился. Провел гостью на кухню. Предложил чай, кофе, компот — на выбор. Нина, перешагнув все пороги смелости, выбрала кофе — что дороже. Растворимый, бразильский, гранулированный. Эта смелость понравилась хозяину, хотя, заметно было, что он слегка прибалдел, жадно, с внутренней опаской оглядывая красивую женщину. Потом, входя в курс дела, он предложил коньяк, водку, вино. Она опять выбрала что подороже. А уж вечер зашумел березовыми шторами за кухонным окном.

Она выпила две стопки, поняла, что так дешевле будет, поверила на все сто процентов случайной собеседнице, заставила себя настроиться на игривый лад, а потом, когда началось у них глубоко подземное, с ужасом подумала, что мужик-то, начальник тюрьмы, — отличный, что ей с ним хорошо! И страшно ей стало — вдруг Васятка заподозрит, догадается?! Для него в подземелье нырнула, старалась для него. Да, видать, перестаралась так, что самой же стало хорошо, до слез хорошо.

Рано утром пили они кофе. Начальник, видный мужик, оправдывался перед ней, и она верила тридцатипятилетнему майору, что в первый раз он на такое пошел, что красота ее подвела его. Он каялся, и ей показалось, что оба они (майор и главбух) выкарабкивается на землю. Они, действительно, выбрались на свет божий, если

говорить о будущем. Майор (он исполнял обязанности начальника тюрьмы, гревшего косточки в Анапе) еще год прослужил во внутренних войсках, подал рапорт, уволился, уехал с семьей в родной городок под Тамбовом, купил дом, двух лошадей — по земле пошел. За месяц до увольнения он бухгалтера встретил (случайно или нет, ему известно), полчаса говорил с Ниной. В любви не клялся, у него жена, трое детей, не извинялся, а такие слова находил уважительные, что она сказала в сердцах: «Ты хороший мужик, майор. И жене твоей я завидую!» И он ей сказал такие же слова. Потом добавил: «Только я бывший майор». «Тем лучше», — скупой улыбнулась Нина. Но все это случится позже.

А в то раннее, темное утро майор позвонил, повелел, и они расстались, стесняясь пожать друг другу руки — как в публичном доме или в аналогичных учреждениях без рукопожатий и прочих слащавых ненужностей прощаются люди.

КПП оказался домом длинным. Ее провели по коричневому коридору в небольшую комнату с панцирной кроватью, по-солдатски заправленной, со столом и двумя стульями. Был еще здесь умывальник.

Нина поставила баул и сумку на пол и только теперь руки почувствовали усталость. Но жалеть руки было некогда. Она с пудреницей смотрела на себя в зеркальце и думала, догадается ли муж, удастся ли ей скрыть... Он вошел, и она заплакала, и обо всем напрочь забыла. И он, радостный, ничего не заметил. И сутки пролетели кратким мигом, как пролетает в августе звезда по черному зеркалу неба: только увидел ее, вспомнил, что надо загадать, а след звезды уже сокрылся под непроницаемым пологом, оставив вместо себя легкое разочарование и надежду.

Расхититель

Не расхищать социалистическую собственность Васька не мог, хотя вором в законе не был, и мыслей таких не держал. Он был вором в совхозе, этого ему хватало. Он мне так говорил: «Совхоз — огромная страна. Четыре отделения, сколько амбаров, складов, сколько полей, сколько раз студенты и прочие оглоеды оставляли ту же картошку в поле! А сколько... да что там! Воровал и буду воровать. Деньги во как нужны. Две женщины-красавицы в семье. А у них такой годовой бюджет: колготы — полторы моих честных зарплаты, парфюмерия — еще полторы, по минимуму я считаю, чтобы не выглядеть, как дурочка-Глафира, химия с ватой — еще ползарплаты отрежу, куртки летние, осенние, зимние — туда-сюда перекинул, разделил, умножил — еще зарплата, а сапоги, туфли, босоножки, кеды, трико, лифы, все-такое прочее — только успевай прибавлять и делить. Это я талагу в зубы и хоть на Север, хоть на Юг. Но они-то женщины, пойми. А поесть что-нибудь человеческое! А обстановка?! Я все это пересчитал и, честно говорю, со спокойной душой пару мешков зерна свистнул и толкнул будущему куму по дешевке. Не беспокойся, и он меня выручает, когда надо. Из тюрьмы, конечно, я не мог деньги тоннами высылать, там нашему брату воровать нечего, на заводе вкалывал. Зато после освобождения я свое наверстал, не волнуйся».

Да я и не волновался. Волновалась Нина.

В тот день, когда ее назначили исполняющей обязанности главбуха, она строго попросила мужа прекратить свои дела.

— Что я ворюга какой, что ты об этом толкуешь? — удивился он.

— Я нейду прочим только и.о.. И ничего нам не нужно такого... — здесь она слукавила.

Молодая, видная Нина привыкла к дорогой одежде и понимала, что даже если муж будет вкалывать за двоих, такого разнообразия женских радостей ей не видать. Деньги она считала не хуже мужа, специальность у нее такая была. И поэтому разговоры, разгорающиеся всякий раз, когда Васька приносил деньги или подарки, заканчивались тем, что Нина принимала дары и, естественно, одаривала супруга такими чудесными ласками, о которых мечтают не только водилы дальних подмосковных деревень, но и люди повиднее.

Свобода

После освобождения Васька неделю валялся перед телевизором, за временем не следил, как в последние месяцы, недели, часы в тюрьме.

В субботу жена была в районе, вернулась к обеду.

Собрались они быстро. Вышли из дома и по косогорчику — мимо бани, по дороге — огибая лес, по полю — навстречу солнцу, по лесу — бесцельно, от дерева к дереву, побрели — никуда. Долго бродили, радовались светлому дню, собирали подберезовики, специально попадавшие им. Сначала в руках несли, потом Васька снял рубаху, длинную майку, связал ее снизу. Получилась сумка с узлом вместо дна и лямками-ручками.

— На жареху наберем, — Васька обнял Нину, и они повернули к деревне.

Лес он знал хорошо, но привел жену к броду, удивился:

— Лет пять здесь не был, а изменилось как все! Заросла река, затинилась, не пойму, где брод. Есть еще тракторный брод, но крюк большой.

— Здесь перейдем. Не сахарные, не растаем. Вода нехолодная.

— Она у нас всегда холодная. Родниковая.

Васька снял брюки, спустился по откосу, заросшему высокой травой, и, забираясь в воду, глянул мельком на жену: та в джинсах, в кроссовках, держала в майке подберезовики и беспечно улыбалась ему.

— Ты чего? — Васька не понял ее улыбки. — Хочешь, в обходняк рванем.

— Нет! Давай здесь, — Нина разделась.

Он взял у жены одежду, майку, перешел реку, выбрался по упавшей иве на берег, повернулся, хотел крикнуть: «Иди за мной, не бойся!» и вдруг замер от неожиданности.

Жена его, главбух, шла совсем голая, по неглубокой реке, смотрела на остолбеневшего мужа и улыбалась. Сначала улыбалась, но вдруг, не выдержав, расхохоталась. То был странный смех голой женщины, переходившей холодную реку вброд. Васька пожал плечами, испугался. А Нина, глядя на него, смеялась все раскатистей, диковатистей и шла медленно по реке, и смех ее, и руки, по-детски теребившие воду, взбудоражили даже ветер лесной. Он рванулся к реке, расшевелил прибрежные ивы, они закачали мохнатыми головами, будто укоряя за что-то беспечальную женщину.

У Васьки захолонуло сердце — не случилось ли что-нибудь? Распарилась она на ходу, а тут сразу в родниковую воду.

Нина осторожно ступала ногами по дну, на середине реки уже песчаному, с камнями и камушками, посматривала на воду, ребрившуюся вокруг, на ивы, на Ваську. Он стоял, худой, с короткой, никогда не модной в деревнях стрижкой, неказистый на фоне могучих деревьев, с голубыми глазами, и в глазах его, то ли отражаясь от воды или листьев, то ли исходя откуда-то изнутри, сияли зайчики волнующим и в то же время недоверчивым, глупым светом, как у наивного дитя, которому подарили неожиданно чудесную игрушку. Глаза худого голого человека смотрели на богатый дар и не верили. Даже шум листвы, даже живое небо и яростный смех жены не в силах были убедить его: «Это твое богатство, Васек!» Он не верил. Радовался и не верил — и это было смешно.

Крепкая фигурка Нины погрузилась по пояс в воду, примутневшую, скрывшую женские таинства от бородатых лохмачей, от снующего ветра, затем с игривым «ох!» присела глубже, скрыла от мира грудь свою и плечи. Вода охолодила, приглушила смех, обняла молодое тело, но оно, быстро утомившись от холодной ласки, вырвалось на воздух. Река обиженно фыркнула, оставив на плечах и руках, на груди и спине прозрачную тонкую мантию, впрочем, уже не утомлявшую, но бодрящую. Речной ветер ревностно зашевелился вокруг нее, срывая ненадежное платье с плеч.

Вновь разразившись смехом, Нина пошла к мужу.

Васька с майкой грибов направился ей навстречу. В трех метрах от берега она обняла его, смех резко спал, будто испугался крепкой мужской руки.

— Ты чего, Нин? — он бы тоже обнял ее, если бы не грибы, которые она очень любила.

— Ой, Васенька, ты у меня такой хороший! Я даже не знала, — она поднялась на иву. — Пошли скорей домой.

И даже не объяснила, почему смеялась, что случилось в воде.

Потом, уже дома, показала Ваське журнал с репродукцией картину Кустодиева «Перед зеркалом». Знатная такая бабеха, купчиха, любовалась собой, примеривая богатый платок — подарок мужа.

— Смотри! — сказала Нина. — Как вы похожи!

— Ничего себе, он же с бородищей! — Васька опять испуганно глянул на жену.

— Причем тут борода! Как он смотрит на нее!

— Да ну тебя! Давай лучше картошку чистить.

— Нет, уж Васек, я тебя сначала расцелую за то, что ты у меня такой замечательный!!

— Сама же грибы любишь с картошкой, — сказал Васька и крепко обнял прижавшуюся к груди жену.

Васькина злость.

Газон разгрузили вечером, но Васька появился в деревне через пять дней. На этот раз замяли его дело. Кто выручил его: новый директор, тоже мужик неплохой, с понятием, или жена, пропадавшая в районе два дня, точно не известно, не в том суть. Он вернулся злой.

Работы было много. Стояли погожие дни. На полях, на току, в хранилище, на станции суетился лед. Ваську я видел урывками. Он ничем не выдавал внутреннее напряжение, «раздрай души», о котором я узнал в предпоследний день.

Утром опять полил дождь. Погода вся вышла. Люди моего сельхозотряда собирались домой. Работа была только в хранилище, грузчики добили его семенным картофелем и

теперь утепляли ворота. Я приехал к ним под вечер. У хранилища стоял Васькин газон.

— Заглянул проститься с работягами, — он открыл кабину, поздоровались.

Я прошел в хранилище. Грузчики не спешили закрывать ворота.

— Вам же премию утром дали, хватит на водку! — набросился я на них. — Вы же Ваську в тюрьму загоните.

— Человек проститься приехал, — пожал плечами Женька. — Что мы маленькие, не понимаем?

— А зачем его машина здесь?

— Не пешком же ему ходить по дождю при машине-то?

— Вот черти! — больше у меня слов не было, пошел к Ваське, забрался в теплую кабину.

Он сказал с грустью:

— Зря ты на них собаку спустил.

— Да ладно, — примирительно буркнул я, но не сдержался. — Тебя жалко. Наматают второй срок.

— Я с этим завязал. Точно. Во вторник в дом отдыха перехожу. На мазут. Работы не много, оклад приличный. Хватит на мелкие расходы, — короткими фразами он пытался сбить прорывавшуюся изнутри злость. Получалось плохо.

— Ты уже там работал.

— Где я только не работал, как Нинку повышать стали! Меня весной новый директор уговорил из сельхозтехники вернуться на газон. Люблю эту машину. Думаешь, я сам захотел?

— Причем тут директор?

— Только не надо мне морали читать. Нинка замучила проповедями. На мазуте я все равно больше ее заработаю. Петька идет, самогонку несет. Будешь с нами? Это мужской разговор.

Грузчики закрыли ворота, мы все забрались в УАЗик (ключи я взял себе), раздавили пару пузырей под черный хлеб и кильку в томате, попрощались с Васькой и утром укатили в Москву.

На мазуте

Через месяц Васька получил свой большой оклад, а еще через месяц — с премией и за переработку. И, главное, к этому времени он точно знал, как на мазуте можно деньги

варить. Небольшие, но можно. Настроение было отличное. Зарядивший сначала декабря снег с дождем не портил его.

Он выехал из дома рано утром, чтобы засветло вернуться назад, слить мазут, попариться в баньке, посмотреть телевизор. На завтра он с семьей собрался сходить к бабе Мане.

Машина, ЗИЛ с длинной черной бочкой, вела себя хорошо. Васька возился с ней перед рейсом три дня. На шоссе вышел, еще темно было, и погнал по широкобоким подмосковным холмам, мурлыча под нос что-то застольное. Снег с дождем все сыпал. По графику, без задержек, отправился с мазутом обратно. Машина пролетела, тяжело шипя шинами, по спине огромного холма, и перед очередным спуском Васька увидел на вершине соседней горки крепко груженный трубами КАМАЗ. Трубы как трубы. Может быть, на них тоже можно наварить. Главное, не зарываться, подумал он, сбросил скорость на нейтралку, чтобы дать чуток передохнуть движку, и вдруг КАМАЗ — он уже ревел, забираясь по горке — резко, будто неожиданно споткнулся, кинулся на ЗИЛ, боднул его боковым ударом кабина о кабину, пропорол трубой цистерну, рванулся вправо, крутанулся на шоссе, уткнулся в обочину, завалился на бок: водитель уже был мертв.

Но Васька еще жил. В глубоком нокауте, бессознательно пытался он удержать машину. ЗИЛ не перевернулся, удержался, остановился в самой седловине между холмами. Заглох движок. Из распоротой бочки хлынул в кабину мазут. Он-то и убил Ваську: после вскрытия в легких обнаружили мазут.

Одинокий главбух

На следующий год я в последний раз был в подшефном совхозе. Нину Петровну,

главбуха, видел. Она изменилась, хотя это еще не бросалось в глаза. Гордость, стать, женское обаяние, веселый перестук каблуков, добродушное «здравствуйте» — все было в ней прежнее, Васькино, и даже волна радости и счастья, ощущаемая незлобным людом, все также исходила от красивой сильной женщины, но глаза ее потеряли упрямость, свойственную лишь абсолютно уверенным в себе, нос, слегка вздернутый, неожиданно покрупнел, в прическе появились непослушные волосы, которые раньше всегда покорно укладывались на свои места. И работать с Ниной Петровной стало легче. Раньше она, не доверяя подчиненным, лично проверяла наши наряды и ведомости, была строга и дотошлива.

И еще Нина Петровна по воскресениям облюбовала дорогу на кладбище — это даже я успел заметить.

Вместо послесловия

Схоронили бабу Маню в 1994 году за десять дней до Пасхи в родовой ее могиле, как и просила она, будто предчувствуя смерть. Сердце у нее пошаливало, сердце и подвело: не проснулась она утром. Даже трехлетняя внучка, которая любила с ней спать в большой железной кровати, не смогла разбудить старшую бабушку, толкая ее ручонками в бок. Долго она толкала ее, повторяла: «Вставай, я писать хочу!» Потом перевалилась через нехолодное еще тело, заревела, намочила палас, пошла жаловаться кому-нибудь, встретила на пороге другую бабушку — младшую — бабушку Нину.

Та ее даже на руки не взяла — бегом в спальню.

Могила бабы Мани рядом с лесом была. Там лежали ее сын, муж, дед и бабушка. Отца вот только война схоронила, сама распорядилась, что, где и как. На другом конца кладбища, со стороны поля, уходящего плавно вниз, к деревне, была могила Василия —

теперь так его называла жена, рассказывая внучке о нем.

И сейчас, когда похоронили бабу Маню, когда односельчане и родные медленно поплелись домой, так медленно, что казалось, им и не хочется покидать кладбище, вдруг замедлила она шаг, сказала зятю тихо: «Веди, Савок, людей в дом, я к Василию зайду. Догоню вас».

Савок, хоть и знал, что догонять ей трудно будет, все же повел людей в дом бабы Мани. По склону спускались они некрутому, без спевки. Это молодые обычно спешат к столу, накрытому по любому поводу. Для стариков стол — не цель.

Нина Петровна открыла калитку, прибрала все внутри, села на скамью перед могилой, «мы сегодня бабу Маню схоронили, — доложила мужу. — Так ее жаль. Она много хорошего нам сделала. Сердце подвело. В остальном у нас все по-старому. Внучка крепкая растет, на тебя похожа».

Нина Петровна замешкалась, часто моргая, но справилась с собой, заговорила о приятном: «Виктор на днях тебя вспоминал: «Был бы, — говорит, — Васек со мной, озолотил бы его. Технику он знал, любил. Я бы ему триста зеленых платил только за то, чтобы он ездил со мной. Надежный человек». Он хорошо говорит о тебе, так приятно. Сейчас все изменилось. Сейчас тебе не нужно было бы трястись за каждый мешок. Да нет, человек ты смелый, просто обидно. Сейчас ты бы хорошие деньги зарабатывал. Да и я. Сколько у меня получается в месяц, знаешь! А тебя нет.

Можно и самим дело организовать. У меня и опыт, и связи, и кое-какие средства. Тебе любое дело по плечу. Но можно и с Виктором работать. Он понимает, что такое хороший главбух. Хотя свое дело, согласишься, лучше.

Дом отнимает у меня кое-что. Материал я оплачиваю. Но Сашок молодец. Стройку организовал, людей набрал, сам работает вечерами. Дом-то какой! На каждом этаже квадратных метров в три раза больше, чей в нашей квартире. Третий этаж, правда, меньше. Они сложную крышу задумали, передать не могу. С оранжереей, просторной летней комнатой — метров сорок пять! Целый зад заседаний. Нет, ты не волнуйся, у нас все по закону. За каждую копейку отчитываемся, налоги платим. Мы, Васек,

неподсудны...»

— Мама, люди ждут, — неожиданно объявился зять.

«Так что у нас все хорошо? — вздохнула Нина Петровна, и пошла с зятем под руку, с каждым шагом прибавляя в стати.

— Машину-то зачем пригнали? — спросила.

— Виктор Иванович велел.

— Приехал?

— Очень жалеет, что не успел. Мама, а правда, что он Вам БМВ отдает?

Нина Петровна замедлила шаг, лицо ее потеряло властность, а походка — упругость. Она будто что-то важно упустила. Возвращаться, однако, было поздно. «Да, Васек, пока с кладбища не ушла, ты же слышишь меня, — «сказала» она. — Главную новость забыла. Виктор дело расширяет. Теперь мы не только куплей-продажей будем заниматься, но и строить. Кирпичный завод в Италии покупаем. Автомат. Дел много. Я теперь и первый зам и главбух в одном лице. Он мне БМВ с водителем выделяет. Представь, как бы мы жили!»

Исправив ошибку, Нина Петровна преобразилась. Водитель — в строгом, черном, — вышел из машины и предупредительно, с вежливым наклоном открыл дверь:

— Тетя Нина, извините, что задержались.

— Ничего, Вовочка, поехали.

Темно-серый ВДВ, не доверяя русским кочкам, медленно пополз по дороге: будто странное дикое животное по чужой территории. На фоне старых, не распустившихся деревьев зверь потерял модность цвета, но упрямства не потерял. За лесом Нина Петровна увидела общежитие для шефов, которое так и не решились сломать, хотя место здесь для коттеджей великолепное, а дальше и асфальт прорисовался — перед загородкой дома отдыха, пустующего третий год.

— Когда за твой дом примемся, племянш?

— Сначала Саню перекроем, окна вставим, а потом...

— Фундамент надо смонтировать в мае, чтобы летом людей на кладку выводить, — поправила племянника Нина Петровна. — С кирпичом поможем. Бригада у меня хорошая на примете. Украинцы. Работать будут от зари до зари, качество отличное и много не берут.

— Спасибо, тетя Нина, — молодые парни — один за рулем, другой на заднем сиденье — переглянулись, улыбнулись, и машина резво рванулась вперед по асфальтовой косе.

— Вы, ребятки, момент не теряйте. Стройтесь, обживайтесь, живите, как нам не удалось пожить, — сказала Нина Петровна, глянула в окна своей двухкомнатной квартиры «с удобствами». — Ясно?

— Так точно! — БМВ, не замечая тягости подъема, взлетел на один из деревенских сами холмов.